

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

ВПЕРЁД В ПРОШЛОЕ: ВЕКТОРЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСЕРВАТИЗМА XIX-СЕРЕДИНЫ XX В.

Н.Н. Козлова

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Анализируется концептуальное осмысление российскими консерваторами понятий «развитие», «прогресс», моделей общественного развития России, соотношения традиций и инноваций, институциональных и культурных факторов модернизации отечественной политики.

Ключевые слова: консерватизм, модернизация, прогресс, традиция

В общественно-политической дискуссии XIX в. в целом и в консерватизме в частности активно обсуждались соотношение традиций и инноваций, природа, формы и направленность социальных изменений, их совместимость с традиционными принципами отечественной политики, а также дальнейшие перспективы развития российской державы. Интерес к моделям развития общественно-политических систем объясняется исследователями синдромом догоняющей модернизации [9, с. 31]. С точки зрения Д.И. Шаронова, российские консерваторы стремились отыскать способы наименее болезненно «вписать» инновационные процессы в систему непреходящих ценностей культуры: «Консервативная мысль была призвана сбалансировать начала творческой инициативы и исторической преемственности, духовно-моральных ориентиров и рационально-прагматических» [18, с. 61]. По моему мнению, осознавая отставание России от уровня развития европейских стран, консерваторы стремились создать собственную модель, которая решала бы одновременно две проблемы – догнать Европу и сохранить самобытность российской культуры.

В современной политической науке проблемы развития «новой России» рассматриваются в рамках теории модернизации. Модернизация в широком смысле является синонимом прогресса и означает движение общества вперёд, в узком смысле этот термин тождествен «современности» и как процесс обозначает трансформацию общества от традиционного к индустриальному [20, с. 170]. Поскольку модернизация началась в странах Западной Европы и Северной Америки, то в странах «догоняющего развития», в том числе и в России, она выступила в форме вестернизации.

Рецепция Россией новых европейских принципов социального бытия породила защитную реакцию традиционной русской культуры со

стороны консервативного лагеря российской политической мысли. Среди многообразия теорий модернизаций в контексте нашего исследования заслуживает внимания концепция консервативной модернизации, сущность которой состоит в совмещении ценностей национальной культуры с экономической, политической мощью российского государства в его движении вперёд [1, с. 48]. М.Н. Крот определяет в данном типе модернизации следующие приоритеты: эволюционный характер общественного развития, историческая преемственность, неизменность политического строя, учёт менталитета русского народа в преобразованиях, нравственное перевоспитание общества [6, с. 8–9]. По мнению В. Страды, «в странах с запоздавшей и встретившей сопротивление модернизацией» были выдвинуты некие антимодерные теории псевдомодернизации, принимающие материальные инструменты Модерности (техника, индустриализация и т.д.), но при этом отвергающие ее духовные инструменты (демократия, плюрализм) [14, с. 58].

Ключевым фактором в определении того, каким путём идти, какую модель развития России предпочесть, является отношение мыслителей к Западу. Интеллектуальная работа российских консерваторов состояла прежде всего в сравнительном анализе исторического развития Европы и России, рефлексии и селекции общечеловеческих и национальных ценностей в российском культурно-политическом пространстве. Исходя из ответов на данные вопросы, российские консерваторы формулировали свои оригинальные теории моделей развития страны.

Н.М. Карамзин предложил собственную концепцию национально-исторического пути России, выдвинул идею эволюционного развития русского общества в рамках самодержавно-крепостнического строя. Он осудил Великую французскую революцию, считая её трагедией, ужасной политической переменой, а её деятелей, которые посмели поднять «секиру на священное дерево» монархии, назвал «новыми республиканцами с порочными сердцами» [5, с. 383]. В «Записке» Карамзин вводит деление на «старую» и «новую» Россию. Старая Россия – это период до реформ Петра I, для которого характерны «смесь древних восточных нравов, ... подновленных, так сказать, нашею долговременною связью с монголами, – византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами» [4, с. 23]. Благодаря реформам Петра I, по мнению Карамзина, «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России» [там же, с. 35]. Мыслитель полагал, что «русская одежда, пища, борода не мешали заведению школ» [там же, с. 33]. «Два государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Пусть сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им Уставы есть насилие, незаконное и для монарха самодержавного», –

категорично утверждал российский консерватор, отстаивая ценности национальной культуры [там же].

В противовес Карамзину Шишков выступал против идеи Просвещения. А.С. Шишков акцентировал внимание на сохранении русского языка как главного элемента культуры, которую в свою очередь рассматривал как системообразующий компонент этноса. Великую французскую революцию Шишков воспринимал как «порожденное злосчастьем нравственное чудовище отпавших от бога» людей [19, с. 342]. Учитывая негативное отношение к данному событию и к переменам вообще, В. Стоюнин назвал теорию Шишкова «теорией неподвижности» [14, с. 534]. В то же время он осуждал использование «новомышленного» слова «развитие», считая его переводом с французского «се developper», и предлагал заменить его глаголом «прозябать» [20, с. 181]. В понимании Шишкова это означало «произрастать», «исходить из чего иного». Адмирал сравнивал социальные изменения с ростом цветка, листа, т.е. признавал медленное органическое развитие.

Французская революция стала и для С.С. Уварова, как и для большинства его современников, демаркационной линией, разделявшей исторический процесс на старый и новый периоды. Он констатировал, что «в большей части Европы эпоха аристократического правления, кажется, закончилась», «для Европы началась эпоха, которую один остроумный писатель назвал эпохой без имени» [17, с. 324]. Французская революция, которую Уваров называет «кровопролитием, совершаемым именем человеческого разума», сформировала в нём консервативную установку «защищать свои огромные развалины, восстанавливать, а не строить новое здание» [там же, с. 79]. Будучи апологетом самодержавия, Уваров в принципе отрицал возможность революционных переворотов, считая, что «если к несчастью для человечества на трон восходит государь, находящийся во власти неумеренных амбиций, то это означает болезнь политического тела, единственным средством от которой являются *время и терпение* (курсив мой. – Н.К.)» [там же, с. 168]. Поэтому Уваров признает только эволюционный путь общественного развития, указывая, что политическая свобода как последний и прекраснейший дар Бога «приобретается медленно, сохраняется неусыпной твердостью» и сопряжена с большими жертвами, с большими утратами [там же, с. 267].

В то же время, с точки зрения Уварова, французская революция открыла всю слабость прежней системы европейских государств, что привело министра к идеям историко-политической модернизации общественных отношений. В свои молодые годы Уваров ещё не находил в отечественной культуре тех сил, которые обеспечивали бы самобытное развитие российской цивилизации, а неприемлемость западного пути развития приводила его к переориентации на Восток. В 1810 г. он написал «Проект Азиатской академии», посвящая его жителям Востока, обезображенным «варварскими современными учреждениями», но со-

хранявших некоторые черты своего древнего облика [там же, с. 67]. В этом труде, а также в «Исследовании об Элевсинских мистериях» (1812) Уваров рассматривал исторический процесс с антипрогрессистских позиций как выражение мирового декаданса – постепенного удаления от состояния первоначального совершенства. «Золотой век... этот ранний период характеризовался знанием первоначальных понятий, дарованных Богом вместе с речью... Эти первоначальные истины... стирались по мере того, как человек портился», – писал Уваров [там же, с. 122]. В «Речи президента императорской академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа» (1818) он более развернуто изложил свои взгляды на исторический процесс, представляя его как смену четырех фаз: «Государства имеют свои эпохи возрождения, своё младенчество, свою юность, свой совершенный возраст и, наконец, дряхлость» [там же, с. 271]. Характеризуя этапы развития общества, он сравнивает современную Европу с измождённым старцем, а Россию – с бодрым и цветущим юношей [там же, с. 212]. Причиной старости общества, финалом жизни «является вырождение духа в социальном теле» [там же, с. 187], из которого и вытекает особое внимание Уварова к народному духу, культуре, образованию.

Дальнейшие попытки обосновать ценность и неповторимость российской цивилизации привели Уварова в начале 1830-х гг. к созданию «теории официальной народности». В триаде оперируемых Уваровым идей – «православие, самодержавие и народность» – отразилось его видение основных принципов российской цивилизации: сильная государственная власть, национальная религия, которая, с одной стороны, освящает эту власть, а с другой – составляет ядро третьего концепта – народности, т. е. культурной самобытности России.

С.С. Уваров признавал ценность и необходимость европейского образования, но при условии существования «Русской системы», которая согласна «с настоящим положением вещей, с духом народа, с его нуждами, с его политическим правом». Поэтому, с точки зрения министра, необходимо быть русским по духу прежде, нежели стараться быть европейцем по образованию, и соединить вместе незыблемое чувство верноподданного с познаниями высшими, с просвещением, принадлежащим всем народам и векам [там же, с. 300]. Главным условием обеспечения данного состояния Уваров считал переориентацию российской системы образования на отечественные предметы, умножение «умственных плотин», что усмиряло бы «бурные порывы к чужеземному, к неизвестному, к отвлеченному в туманной области политики и философии» и служило бы «некоторой опорой против так называемых европейских идей, грозящих нам опасностью» [там же, с. 301–303, 305].

Об опасностях «надвигавшейся с Запада тучи космополитизма и либерализма» предупреждал в своих трудах К.П. Победоносцев [11, с. 401]. Он утверждал, что Французская республика «явила миру все

гнуности, беспорядки и насилия революционного правительства» [10, с. 236], а её слабый отголосок отразился в России восстанием декабристов, которое Победоносцев назвал «безумной попыткой аристократов-мечтателей, не знавших ни своего народа, ни своей истории» [там же].

Исследователи полагают, что Победоносцев возненавидел не просто отдельные либеральные установления, но самый дух либерализма, в котором он находил дух лавирования, маневра и компромисса [3, с. 154]. Идею либеральных изменений, подражательных Западу, он противопоставил сформированный на протяжении веков национальный идеал: «Старые учреждения, старые предания, старые обычаи – великое дело. Народ дорожит ими, как ковчегом завета предков... Старое учреждение тем драгоценно, потому незаменимо, что оно не придумано, а создано жизнью, вышло из жизни прошедшей, из истории, и освящено в народном мнении тем авторитетом, который дает история» [10, с. 342–343].

Победоносцев стремился развенчать артикулируемый общественным либеральным мнением позитивный вектор социально-политических изменений в России эпохи Александра II. «Похоть ораторства», страсть к речам, которая овладела массами, привели, по мнению обер-прокурора, к выхолащиванию истинного смысла слов, в частности понятий «преобразование», «развитие» и «прогресс» [там же, с. 298]: «Слово преобразование так часто повторяется в наше время, что его уже привыкли смешивать со словом улучшение. Итак, в ходячем мнении поборник преобразования есть поборник улучшения, или, как говорят, прогресса, и наоборот, кто возражает против необходимости и пользы преобразования, какого бы то ни было, на новых началах, тот враг прогресса, враг улучшения, чуть ли не враг добра, правды и цивилизации» [там же, с. 286]. Особенно жёсткой критике обер-прокурор подвергал такие изменения, как расширение прав на участие в выборах и веротерпимость, которые разрушали основы национального бытия России.

Либерально-западному пониманию прогресса Победоносцев противопоставил собственное: «Развитие не имеет определительного смысла без связи с другим термином: сосредоточение. Пора бы обратиться за разъяснением понятий к общей матери и учительнице – природе. От нее нетрудно научиться, что всякое развитие происходит из центра и без центра немислимо, что ни один цветок не распустится из почки и ни в одном цветке не завяжется плод, если иссохнет центр жидительной силы образования и обращения соков» [там же, с. 295]. Таким образом, Победоносцев осуждал и путь западного либерального развития, и описывающую его терминологию. Стремясь развести и переопределить содержание понятий «развитие» и «прогресс», обер-прокурор настаивал на собственном пути развития России.

Анализируя политическое творчество К.Н. Леонтьева, В.В. Розанов писал: «Именно он первый понял смысл исторического движения в XIX в., преодолев впервые понятие прогресса, которым мы

все более или менее движемся, и указал иное, чем какое до сих пор считалось [12, с. 36–37].

К.Н. Леонтьев в ранние годы исповедовал либеральные установки, веру в свободу и прогресс: «Какой именно прогресс?...Разве я понимал в 20–25 лет ясно – какой? Прогресс, образованность, наука, равенство, свобода!...Даже и революция мне нравилась», – полагал мыслитель [7, с. 550]. Изменив во время счастливого, по выражению самого мыслителя [2, с. 464], перелома в начале 1860-х гг., либеральные ценности в пользу консервативных, мыслитель пришёл к выводу, что величие России в ряду стран определялось не социальным и техническим прогрессом, а национальным своеобразием, «без которого можно быть большим, огромным государством, но нельзя быть великой нацией» [8, т. 7, кн. 1, с. 121–122]. Поэтому он выдвигал следующие требования к циркулирующим в российском публичном пространстве идеям: «Истинно русская мысль должна быть, так сказать, прогрессивно-охранительной; выразимся еще точнее: ей нужно быть *реакционно-двигающей*, т. е. проповедовать движение вперед на некоторых пунктах исторической жизни, но не иначе, как посредством сильной власти и с готовностью на всякие принуждения» [7, с. 481]. К.Н. Леонтьев полагал, что «на месте стоять – нельзя; нельзя и восстанавливать то, что раз по существу своему утрачено (например, дворянские привилегии в прежней их форме); но можно и должно, одной рукой – охраняя и утверждая святую Церковь, могущество Самодержавной власти и развивая и обновляя пренебреженные остатки быта нашего, другою – двигать нацию вперед совсем не по западному и тем более не по либеральному пути» [там же, с. 482].

Леонтьев системно подходил к описанию общества, обнаруживая связи между его институтами и элементами общества и прослеживая их эволюцию в историческом процессе. В труде «Византизм и славянство» он вывел законы для развития и разложения человеческих обществ, которые сводятся к триединому процессу: 1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичного смесительного упрощения, которые свойственны «точно так же, как и всему существующему, и жизни человеческих обществ, государствам и целым культурным мирам» [там же, с. 101].

Указывая в качестве признаков развития общества сложность, дифференцированность социальных явлений, разграничивая понятия «прогресс» и «развитие», Леонтьев утверждал, что «нынешний прогресс не есть процесс развития: он есть процесс вторичного, смесительного упрощения, процесс разложения для тех государств, из которых он вышел или который крепко усвоился» [там же, с. 128].

«Византизм есть, прежде всего, особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятнейшие начала и свои определенные в истории последст-

вия», – писал философ [там же]. Обозначая в государстве самодержавие, а в религии «христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов» [там же], Леонтьев формулировал сущность византийского идеала в противовес принципам европейской цивилизации. Самодержцы, проводившие реформистскую политику, привели, по его мнению, к тому, что «европеизм и либеральность сильно расшатали основы наши за истекший период уравнительных реформ», «мы стали воспринимать европейские идеи как развитие, а надо как гниение» [там же, с. 613].

Критическая оценка современного положения России вынудила Леонтьева сформулировать свои идеи по выводу Отечества из кризиса. Понимая, что Россия стареет, так же как и Европа [там же, с. 607], и согласно концепции также будет переживать третью фазу, Леонтьев предлагает «для задержания народов на пути антихристианского прогресса, для удаления срока пришествия антихриста (т. е. того могущественного человека, который возьмет в свои руки все противохристианское, противоцерковное движение)» [там же, с. 610] действовать «противу равенства и либерализма... то есть надо подморозить хоть немного Россию, чтобы она не “гнила”» [там же, с. 319]. Соответственно основными векторами в достижении успеха в этом направлении были противодействие европейскому либерализму и укрепление византийских основ российского общества.

Леонтьев полагал, что в современном ему российском обществе таился «огромный запас охранительных сил», т.е. множество людей, искренне желавших, чтобы те основы, развитие которых создало могущество Русского государства и укрепило нравственный строй общества нашего, оставались по возможности незыблемыми [там же, с. 480]. Для борьбы с либерализмом философ предлагал создать в духе консервативной модернизации *«истинно-русский и вместе с тем вполне современный»* (курсив мой. – Н.Н.) орган печати» [там же, с. 481].

Для реализации прогрессивно-охранительного, антилиберального идеала развития России Леонтьев указывал на необходимость двух условий – «смелости власти и покорности общества и народа» [там же, с. 482]. «Для замедления всеобщего уравнивания и всеобщей анархии необходим могучий Царь. Для того чтобы Царь был силен, то есть и страшен, и любим, – необходимы прочность строя, меньшая переменчивость и подвижность его; необходима устойчивость психических навыков у миллионов подданных его. Для устойчивости этих психических навыков необходимы сословия и крепкие общины», – писал он [там же, с. 615]. Помимо применения внешнего насилия деспотического государства над подданными Леонтьев проповедовал и внутреннюю репрессию – религиозно-аскетическое самоистязание.

Относительно обновления российского общества в его движении вперёд философ оставил отрывочные, разрозненные идеи. В частности,

он утверждал, что «национальное своеобразие не может держаться одним охранением; обстоятельства вынуждают нередко принимать отчасти что-нибудь чужое для полного развития своего народного в высшее национальное» [8, т. 7., кн. 1, с. 112–113]. Но конкретных критериев и ориентиров, что можно, а что нельзя России заимствовать из других культур, Леонтьев не выработал. В его произведениях встречаются идеи о допустимости экономических изменений в России: «Необходимо вступить решительным и твердым шагом на путь чисто экономических, хозяйственных реформ; необходимо опередить в этом отношении изношенную духом Европу» [10, с. 482]. Однако и в этом случае ничего конкретного, кроме «привинчивания» крестьян к земле, а земли к дворянству [8, т. 8, кн. 1, с. 204–205], мыслитель не предлагал.

В результате, размышляя о новых путях в науке и философии, новых формах искусства, которые в совокупности заключались бы в одном «общем и всеобъемлющем идеале: новой, независимой, оригинальной культуре», мыслитель подразумевал только дальнейшую эволюцию византийских принципов – правильное развитие православия, всемогущество в делах международных и пр. Таким образом, «обновление нашего быта» как задача, которую поставил Леонтьев, не была им решена. Подводя итог относительно предложенного Леонтьевым соотношения традиционных и новаторских элементов в российской политике, можно однозначно сделать вывод о доминировании первых. Критика либеральной трактовки прогресса, обоснование необходимости сохранения самодержавия с функциональной, социально-психологической и эстетической позиций, значительная роль насилия и репрессии в управлении государством вкупе с имперским видением роли России в мире в её движении вперёд на основе традиционной русской культуры позволяют квалифицировать концепцию Леонтьева как консервативную модернизацию.

Л.А. Тихомиров был одним из первых консерваторов, которые подвергали критическому осмыслению не только либерализм, но и набиравший популярность социализм. В работе «Почему я перестал быть революционером» мыслитель указывал на неприемлемость кардинальных форм социально-политических изменений. Под словом «революция» мыслитель понимал не столько насильственный переворот, драку, бунт, разрушение, сколько процесс изменения типа какого-либо явления [16].

Революционизм Тихомирова сводился к поиску эволюции, которая могла кардинально изменить само явление. В качестве примера такого эволюционного-революционного процесса российский консерватор приводил христианство, которое «совершило путем мирной эволюции величайшую в мире революцию» [там же].

Общим местом в критике Тихомировым либерализма и социализма являлось учение о прогрессе. «Что ныне популярнее идеи прогресса? Для целых миллионов – это догмат веры, и притом единственной веры, какая у них есть. Они нравственно только и живут “прогрес-

сом”, ему служат, в него кладут все свои надежды, мыслью о нем утешаются во всех бедствиях и неудачах», – писал мыслитель [15]. С точки зрения Тихомирова, идея прогресса была сплетена «из неясностей, неточностей, произвольных соединений противоположного и несовместимого» [там же]. Направленность социально-политических изменений, по мнению исследователя российской политики, должна была иметь консервативную ориентацию. При этом мыслитель отмечал историческую эволюцию консерватизма, его развитие от ложной формы, базирующейся на боязни поколебать основы общества, не давая ему развиваться, до современной, истинной формы, которая совпадает с прогрессом в одной и той же задаче: поддержания жизнедеятельности общественных основ, охранения свободы их развития, поощрения их роста [там же].

Тихомиров утверждал, что между прогрессом и консерватизмом нет никакой противоположности: «Прогресс, насколько он существует в мире, есть только развитие. Но консерватизм, поскольку он есть явление жизненное, тоже есть лишь другое название того же факта. Сохранение органической силы и развитие ее – одно и то же, ибо органические силы только и существуют в состоянии деятельном, в состоянии развития, точно так же, как нельзя развиваться, не сохраняясь в типе» [там же]. Итак, согласно Тихомирову, Россия может вполне успешно развиваться консервативным путём.

Таким образом, интерес к созданию моделей развития России был вызван осознанием отставания страны от ведущих государств Европы, а также экспансией Запада в пространство отечественной культуры. Теоретики российского консерватизма сформулировали основные принципы консервативной модернизации России – движение вперёд на базе ценностей национальной культуры, отражённой в триаде «Самодержавие. Православие. Народность». Главным субъектом социальных трансформаций мыслителям виделось Российское государство. В трудах консерваторов присутствовали как инновационные, так и архаические элементы, при безусловном доминировании последних. Инновационные моменты концепций консерваторов ограничивались указанием на движение России вперёд, утверждением, что поступательное развитие страны не по либеральному европейскому пути, а на основе национальной культуры в принципе возможно. Однако разработки конкретных мероприятий по воплощению движения вперёд в трудах консерваторов практически не встречаются.

В рамках анализа исторического развития России и Запада теоретики российского консерватизма отказывались употреблять выработанные западной социально-гуманитарной мыслью понятия «прогресс» и «развитие», выступали против их отождествления. Они предлагали органический подход, согласно которому все явления социальной жизни непосредственно проистекают из тех потенций, которые заложены в недрах организма. Соответственно движение России по западному пути

представляло для них отклонение от органических основ отечественного быта. Суть российской модернизации состояла не в институциональной трансформации общественно-политической системы, а в укреплении ценностей национальной культуры, и прежде всего православия. Согласно теориям консерваторов нравственное совершенствование российских подданных должно было примирить социальные противоречия, заглушить идеи революционного переустройства общества и обеспечить поступательный эволюционный характер развития страны.

Список литературы

1. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
2. Из воспоминаний К.Н. Леонтьева. Публикация О.Е. Майоровой // Лица: биограф. альманах. СПб.: Феникс: Atheneum, 1995. № 6. С. 453–472.
3. Камнев В.М. Идеи социально-политического консерватизма К.П. Победоносцева // Власть. 2009. № 6. С. 151–155.
4. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях / прим. Ю.С. Пивоварова. М.: Наука, 1991. 111 с.
5. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избр. произведения: в 2 т. М.; Л.: Худ. лит., 1964. Т. 2. С. 79–604.
6. Крот М.Н. Консервативный вариант модернизации России во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2004. 23 с.
7. Леонтьев К.Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 728 с.
8. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2000–2012.
9. Малинова О.Ю. Традиционалистские и прогрессивные модели национальной идентичности в общественно-политических дискуссиях 1830–1840-х годов в России // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж: ВГУ, 2004. Ч. 1. С. 27–50.
10. Победоносцев К.П. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 648 с.
11. Победоносцев К.П. Тайный правитель России: К.П. Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки (1896–1895). Статьи. Очерки. Воспоминания / сост. Т.Ф. Прокопов. М.: Русская книга, 2001. 624 с.
12. Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // К.Н. Леонтьев: pro et contra / вступ. статья А.А. Королькова, сост. послесл. и примеч. А.П. Козырева. СПб., 1995. Кн. 1. С. 27–122.

13. Стоюнин В. Александр Семенович Шишков // Вестн. Европы. СПб., 1877. Т. 5 (67), кн. 10. С. 502–547.
14. Страда В. Западничество и славянофильство в обратной перспективе // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 57–64.
15. Тихомиров Л.А. Борьба века [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2237>
16. Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером (1888 г.). [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2230>
17. Уваров С.С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 720 с.
18. Шаронов Д.И. Концепция органической демократии И.А. Ильина // Вестн. МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1994. № 1. С. 60–71.
19. Шишков А.С. Избранные труды / сост., автор вступ. статьи и коммент. В.С. Парсамов. М.: РОССПЭН, 2010. 437 с.
20. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

**FORWARD IN THE PAST: VECTORS OF POLITICAL
DEVELOPMENT OF RUSSIA IN POLITICAL PHILOSOPHY OF
DOMESTIC CONSERVATISM OF THE XIX MIDDLE OF THE XX
CENTURY.**

N.N. Kozlova

Tver State University (Tver)

Analyzes the conceptual understanding of Russian conservatives concepts of «development», «progress», models of social development of Russia, relations between tradition and innovation, institutional and cultural factors modernization of the domestic polity.

Key words: *conservatism, modernization, progress, tradition*

Об авторе:

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: n_s@pochta.ru

Author info:

KOZLOVA Natalia Nikolaevna – Ph.D., Assoc. Prof. of Political Science Dept. of Tver State University, Tver. E-mail: n_s@pochta.ru